

Поле памяти

Часть 7. Прошлое становится ареной битвы

Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

17:11, 10 февраля 2026,

Алексей Семенов-Труайя

социолог

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эта публикация продолжает цикл статей социолога Алексея Семенова-Труайя о феномене памяти и попытках государства поставить его себе на службу.

Загадка пустого постамента

Харьков, февраль 2014 года. Толпа валит памятник Ленину. Кто-то плачет, кто-то ликует. Милиция не вмешивается. На следующий день — встречная демонстрация: «Верните Ильича!» Драки, задержания, раненые.

Вопрос: за что дерутся люди? За кусок бронзы на постаменте? За имя человека, умершего сто лет назад?

Нет. Дерутся за версию прошлого. Для одних Ленин — символ справедливости, индустриализации, победы над эксплуатацией. Для других — олицетворение террора, голода, разрушенных жизней. Постамент — точка, где эти версии сталкиваются физически.

Теперь другая сцена. Москва, 2021 год. «Мемориал»* — организация, собиравшая имена жертв репрессий, — ликвидирована по решению суда. Никаких памятников не сносят, никаких уличных драк. Просто юридическая процедура. Но энергия конфликта та же: чья версия прошлого имеет право на существование?

Эти сцены — проявления одного процесса. Прошлое не хранится в музеях. Оно существует здесь и сейчас — в том, как мы объясняем настоящее, выбираем героев, делим мир на «своих» и «чужих». И за это прошлое идет битва. Невидимая, но реальная.

Метафора, которая все объясняет

Представьте: вы бросаете магнит в коробку с железными

опилками. Они мгновенно выстраиваются вдоль невидимых силовых линий. Казалось бы, хаос. Но стоит появиться силе, как возникает структура.

Точно так же работает **поле памяти**.

Есть события, которые не отпускают. Для России — война 1941–1945. Для США — 11 сентября. Для постсоветского пространства — распад СССР. Для Украины — Голодомор. Эти события — как магниты. Они притягивают внимание, энергию, споры. Вокруг них кристаллизуются версии истории.

Но магнит не просто притягивает. Он создает силовое поле, где каждая точка испытывает воздействие. В физике это видно: железные опилки выстраиваются по линиям от полюса к полюсу. В обществе это тоже видно, но нужно научиться смотреть.

Посмотрите, как выстраиваются споры вокруг войны.

Можно ли оправдать репрессии «необходимостью индустриализации»? Победа — «вопреки» системе или «благодаря» ей? Распад СССР — трагедия или освобождение?

Каждый ответ — не просто мнение. Это заявка на право определять, кто мы такие. И вокруг каждого ответа — своя силовая линия, притягивающая единомышленников и отталкивающая оппонентов.

Энергия, которая никуда не исчезает

Физики знают: энергия не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда. Она лишь переходит из одной формы в другую. Тепло

превращается в движение, движение — в электричество.

С памятью то же самое.

Советская власть 70 лет подавляла память о репрессиях. Запрещала говорить, не ставила памятников, вымарывала из учебников. Казалось — стерла. Но энергия непризнанных страданий, замолчанных правд, невысказанных обвинений никуда не исчезла.

Она копилась в семейных преданиях. В ощущении несправедливости. В раздражении на «официальную версию». В том, как бабушка, оглянувшись, шептала внуку: «Деда забрали ночью. Больше не видели».

И когда система ослабла — в перестройку, — эта энергия вырвалась. Взрывом публичных разоблачений. Сломом монументов. Переписыванием учебников. Миллионы семейных историй хлынули в публичное пространство, сметая официальный нарратив.

Термодинамика учит: чем дольше сжимаешь энергию, тем мощнее взрыв. СССР это доказал.

Когда прошлое становится оружием

Не всякое воспоминание превращается в поле битвы. Вы вспоминаете детство, первую любовь — это остается личным, интимным.

Битва начинается, когда прошлое превращается в ресурс власти.

Государство заявляет: «Мы наследники великой империи, поэтому имеем право на особый статус». Социальная группа

требует: «Наши предки были жертвами, поэтому нам причитается компенсация». Политическая партия обещает: «Мы вернем страну к величию прошлого».

В каждом случае память становится ставкой в игре.

Не просто правом помнить по-своему, а правом навязывать свою версию другим. Делать ее обязательной. Превращать в основу законов, учебных программ, государственных ритуалов.

Вот простой тест. Спросите себя:

- Кто в вашей стране решает, какие даты — государственные праздники?
- Кто определяет, какие события войдут в учебник истории, а какие — нет?
- Кто решает, кому ставить памятники на главных площадях?

Ответ всегда один: власть. И это не техническое решение. Это утверждение версии прошлого. Каждый памятник — заявка на монополию интерпретации.

Кто контролирует прошлое, тот определяет настоящее. Кто решает, какие события помнить, как их толковать, кого считать героями, тот формирует идентичность. А значит, управляет лояльностью, легитимностью, самими основами порядка.

Фото: Артем Краснов / Коммерсантъ

Три главные ставки: за что на самом деле сражаются

Когда люди спорят о прошлом, они редко спорят о фактах. Даты, имена, хронология давно известны. Спор идет о смыслах. И за этим спором — три главные ставки.

- **Ставка первая: право на власть**

Любой режим нуждается в обосновании. Почему именно эти люди имеют право управлять?

Советская власть черпала легитимность в революции («власть рабочих и крестьян») и победе в войне («народ-победитель»). Постсоветская Россия 1990-х пыталась легитимировать себя через отрицание советского («демократия вместо тирании»). В 2000-е маятник качнулся обратно — возвращение к войне как источнику права на власть.

Каждая смена интерпретации — битва за право существования режима. Не академическая дискуссия, а вопрос жизни и смерти политической системы.

- **Ставка вторая: кто мы**

Нация определяет себя через общую историю. Когда постсоветские государства переписывали историю, они не просто «восстанавливали правду». Они создавали новые нации.

Украинцы — не «младшие братья» русских, а отдельный народ с трагической историей (Голодомор, репрессии против интеллигенции). Прибалтика — не «советские республики», а присоединенные территории, сохранившие верность довоенной государственности.

Каждая переинтерпретация меняет настоящее — самоощущение людей, их политические требования, отношение к соседям. Прошлое здесь — инструмент конструирования будущего.

- **Ставка третья: моральное превосходство**

Кто жертва, кто палач? Кто освободитель, кто оккупант?

Память становится валютой моральной экономики. Кто признан жертвой, тот получает право на требования и обвинения. Германия десятилетиями выплачивала репарации жертвам нацизма. Турция отказывается признавать геноцид армян, опасаясь последствий. Россия и Польша обвиняют друг друга в искажении истории Второй мировой.

Это не просто спор историков. Это борьба за моральную

позицию в настоящем.

Почему игра нечестная: капиталы на поле памяти

Поле памяти — не ровная площадка. У игроков разные ресурсы. Французский социолог Пьер Бурдьё называл такие ресурсы «капиталами». И на поле памяти действует несколько их видов.

Административный капитал — власть над институтами. Государство пишет учебники, решает, каким событиям посвящать праздники, выделяет деньги на памятники, принимает законы о «правильной» истории.

Закон в России запрещает отрицание роли СССР в победе над фашизмом. На Украине запрещена советская символика. В Польше уголовно наказуемо утверждение о соучастии поляков в Холокосте. Каждый закон превращает одну версию в обязательную.

Символический капитал — престиж, авторитет, способность быть услышанным. Официальные историки обладают им по должности. Но иногда он возникает «снизу» — у свидетелей (ветераны, узники лагерей), писателей (Солженицын, Гроссман), активистов.

Эмоциональный капитал — сила переживания. Жертвы обладают особым моральным авторитетом. Их голос труднее игнорировать: оспаривать их память — значит оскорблять страдание.

Медийный капитал — доступ к каналам информации. Кто контролирует СМИ, тот формирует массовое восприятие. Фильмы, сериалы создают образы прошлого сильнее, чем исследования.

Игра нечестная, потому что государство концентрирует все

виды капитала. Оно пишет законы, контролирует СМИ, назначает директоров музеев, финансирует фильмы. У альтернативных игроков — крохи ресурсов.

Но даже при таком неравенстве монополия не абсолютна. Семейная память сопротивляется. Свидетели говорят. Интернет дает платформу независимым голосам. Энергия противоречий накапливается.

Монополия и плюрализм: два режима поля

Поле памяти может существовать в двух состояниях.

Монополия — один игрок (обычно государство) подавляет альтернативы. Советская память была монополизирована: партия определяла, что помнить (революцию, войну), как помнить (героически), о чем молчать (репрессии, голод).

Монополия создает ложную стабильность. Кажется, общество едино. На самом деле энергия противоречий копится в семейной памяти, в невысказанных травмах, в ощущении фальши. Термодинамически это закрытая система под давлением. Чем дольше держится, тем мощнее взрыв.

Плюрализм — сосуществование множества нарративов. Демократии обычно допускают конкуренцию версий. В учебниках может быть несколько точек зрения. Памятники вызывают споры, но не запреты. Музеи показывают неудобные эпизоды.

Плюрализм — открытая система. Энергия противоречий не взрывается, а рассеивается через постоянный диалог, дискуссии,

компромиссы. Немецкая работа с нацистским прошлым — пример: признание вины, мемориалы жертв, постоянная рефлексия.

Фото: Агентство «Москва»

Россия: расколотое поле и накопление энергии

Российское поле памяти — пример глубокого раскола. Оно не монополизировано до конца, но и не стало ареной диалога.

Есть официальная версия: великая держава, победившая в войне, пережившая трудные 1990-е, восстановившая суверенитет. Сталинские репрессии — «ошибки», не отменяющие «свершений». Распад СССР — геополитическая катастрофа.

Есть альтернативные нарративы: Советский Союз — преступный режим, построенный на терроре. Победа

достигнута народом вопреки системе. 1990-е — попытка демократизации, сорванная возвратом авторитаризма.

Между версиями — пропасть, и она углубляется. Закрытие «Мемориала», табуирование тем репрессий, героизация советского прошлого в массовой культуре — попытки вернуться к монополии. Но семейная память, архивы, свидетельства сохраняются.

Энергия противоречий накапливается.

Термодинамика подсказывает: чем дольше система закрыта, тем мощнее будет высвобождение энергии. СССР 70 лет подавлял альтернативные нарративы — система схлопнулась за три года.

Вопрос не в том, произойдет ли высвобождение. Вопрос — когда и в какой форме. Взрывом или контролируемым рассеиванием через диалог.

Диагноз по состоянию поля

Состояние поля памяти — это диагноз общества.

Монополизированное поле указывает на авторитарный режим, неспособный выдержать плюрализм. Расколотое поле — на кризис идентичности, неспособность согласовать травматическое прошлое. Плюралистичное поле — на зрелую демократию, способную жить с противоречиями.

Поле памяти не статично. Оно меняется вместе с обществом. Силовые линии смещаются, точки притяжения усиливаются

или слабеют, капиталы перераспределяются.

Понимание структуры поля позволяет увидеть не хаос споров, а логику борьбы. Не случайные скандалы вокруг памятников, а систему силового взаимодействия, где каждый участник играет свою роль.

Загадка разгадана, но появляются новые

Мы начали с загадки пустого постамента. Почему люди дерутся за кусок бронзы? Теперь понятно: дерутся не за металл, а за право определять смыслы. За монополию на интерпретацию прошлого. За идентичность. За власть.

Поле памяти — невидимая структура, где разворачивается эта битва. Как магнитное поле, оно создает силовые линии, притягивает и отталкивает, накапливает и высвобождает энергию.

Но это только начало. Мы увидели, где происходит битва. Теперь нужно понять, кто ее ведет.

Кто эти игроки? Какими ресурсами обладают? Почему одни голоса звучат громче других? И самое главное — кто пишет сценарий этой драмы?

Об этом — в следующей статье.

Продолжение следует

* Минюст считает «иноагентом».

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Традиции, ностальгия по СССР и хаос трансмутации](#)

Живая память: как опыт поколений перетекает через время или на чем строится идентичность

11:20, 26 ноября 2025, Алексей Семенов-Труайя

[Где живет вчера?](#)

Часть 1. От вопроса к памяти. Как искали место, где хранятся воспоминания

15:13, 25 декабря 2025, Алексей Семенов-Труайя

[Где живет вчера?](#)

Часть 2. Память как конструкция: от советских архивов к цифровым следам

16:27, 16 января 2026, Алексей Семенов-Труайя